
Л. Е. ГРИНИН

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА НА ГАВАЙЯХ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗА

*Возникновение государства стало одним из самых важных рубежей в социальной эволюции. В каждом обществе складывалась своя неповторимая историческая ситуация, которая определяла многие особенности возникающего государства. Тем не менее, несмотря на огромное разнообразие конкретных путей складывания государств, мы можем говорить о закономерностях государствогенеза. Среди исследователей раннеполитических форм нередко возникают значительные разногласия в отношении вождеств (негосударственных политий, во главе которых стоит вождь, часто наследственный, и в которых нередко уже есть привилегированные социальные группы). Проблема заключается в том, относить ли те или иные общества к категории сложного вождества или уже раннего государства. Все попытки выработать теорию однолинейной политической эволюции оканчиваются неудачей. Это неудивительно, поскольку политическая эволюция развивалась как многолинейная, формируя на уровне сложных обществ различные типы политий, которые, однако, можно считать находящимися на одном эволюционном уровне. Важнейшая идея настоящей статьи заключается в том, что такие формы организации постпервобытного общества, как сложные вождества, крупные конфедерации, большие гражданские и храмовые общины и некоторые другие, можно рассматривать как **аналоги** раннего государства. Такие политии-аналоги превращаются в раннее государство уже не «вертикальным» путем, то есть не путем перехода на новый уровень развития, а «горизонтальным», то есть заменяя одни отношения (более традиционные) на другие (более формальные, административные). Основная часть статьи посвящена анализу наиболее развитых сложных вождеств – гавайских. Относительно того, считать ли гавайские политии ранним государством или сложным вождеством, многие десятилетия ведутся дискуссии. Мы показываем, что до прибытия Дж. Кука на Гавайях не было государства. Гавайские политии следует классифицировать как аналоги раннего государства, то есть общества того же уровня развития, что и ранние государства, но лишенные ряда характеристик последних. Это связано с тем, что вся политическая и социальная*

*Историческая психология и социология истории 2/2021 111–139
DOI: 10.30884/ipsi/2021.02.09*

организация на Гавайях основывалась на строгих правилах и идеологии родства, а правящие группы представляли собой эндогенные касты и квазикасты. Переход к государственности произошел только в период правления Камеамеа I в начале XIX столетия. В статье проведен детальный анализ того, чем гавайские вождества до прибытия Кука отличались от гавайского государства XIX в. История Гавайев дает уникальную возможность шаг за шагом проследить, как аналог раннего государства превращается в раннее государство.

Ключевые слова: *полития, вождество, сложное вождество, государство, раннее государство, аналог раннего государства, гавайские вождества, доконтактные вождества, родственные линии, старшая линия, табу, касты, Камеамеа I, Камеамеа II, Джеймс Кук.*

Вводные замечания и основные идеи статьи

Несмотря на огромное разнообразие конкретных путей складывания государств, мы можем говорить о закономерностях государствогенеза, выделяя в нем, как увидит читатель, две основные модели: вертикальную и горизонтальную. В академической литературе часто отмечается, что в отношении сложных вождеств у исследователей возникают проблемы и идут дискуссии в связи с тем, относить ли те или иные общества к категории сложного вождества или раннего государства. Это приводит в тупик тех исследователей, которые рассматривают политогенез как однолинейную схему, считая, что сложное вождество имеет стадияльно более низкий уровень, чем раннее государство. Но, с нашей точки зрения, это не только не удивительно, но даже и естественно, поскольку сложные вождества, ранние государства, так же как и другие типы социополитических систем (крупные конфедерации, большие гражданские и храмовые общины и т. п.) находятся, по сути, на одном эволюционном (стадияльном) уровне социополитической сложности (см. об этом: Гринин 2011; 2019; Grinin 2003; 2004b; 2009; 2011; Grinin 2017; Grinin, Korotayev 2017). В настоящей статье мы будем исходить из того, что все такие сложные общества могут быть рассмотрены как аналоги раннего государства.

Основная часть статьи будет посвящена анализу наиболее развитых сложных вождеств – гавайских. В процессе заочной дискуссии с другими исследователями будет показано, что до прибытия Джеймса Кука на Гавайях раннего государства не было. Гавайские политии должны классифицироваться как аналоги раннего госу-

дарства, то есть общества того же эволюционного уровня, что и ранние государства, но лишённые ряда характеристик последних. Этот вывод исходит из того, что вся политическая и социальная организация в них основывалась на строгих правилах, идеологии родства и преимуществ определенных родственных линий, а правящие группы были представлены эндогенными кастами и квазикастами. Переход к государственности произошел только в период правления Камеамеа I в начале XIX столетия.

В статье дается скрупулезный анализ и приводится сравнение между гавайскими вождествами и гавайским государством в отношении ряда важных характеристик, а именно: 1) особые свойства верховной власти; 2) новые принципы управления; 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества; 4) редистрибуция власти (подробнее об этих характеристиках см.: Гринин 2011; Grinin 2003; 2004b; 2011).

В статье будет показано, что, во-первых, объединение вождем Камеамеа I четырех главных гавайских вождеств в единое государство могло реализоваться в результате того, что было внедрено европейское огнестрельное оружие и заимствованы другие европейские идеи, во-вторых, что до этого объединения гавайским политикам мешали стать государством следующие обстоятельства:

1. Слишком сильное социальное деление по признаку родства и соответственно слишком большая роль положения в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в иерархии управления. Хотя в ряде ранних государств этот фактор имел важное значение, все же на Гавайях его значимость была исключительной. Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию: генеалогической близости к старшей родственной линии.

Напротив, с объединением Гавайских островов Камеамеа I в начале XIX в. произошло уничтожение или понижение значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель), а также возросли возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы, которые даже были наделены именами с даровой рабочей силой.

2. Запутанность родственных отношений, включая и распространение поддельных родословных, трудности изменения сло-

жившейся системы не позволяли гавайским вождям перераспределить властные полномочия в пользу центра. В этом плане формирование единого правящего рода и уничтожение вождеской знати подорвало возможности сопротивления центру, которое, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди. Это дало возможность усилить власть центра и стало важным толчком для формирования собственно государства. Стоит также отметить, что в отличие от верховного вождя король стал менее зависеть от своих приверженцев.

3. Слишком сильная роль традиций (то есть превосходства старших родственных линий и оправдывающей его религии) и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе.

4. Слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных кланов и линиджей; любые изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить М. Д. Салинзу (Sahlins 1972), наткнулись на их сопротивление и часто заканчивались восстаниями.

После объединения страны в течение двух десятилетий произошли быстрые изменения в плане реформ (например, создание регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации, в частности при заготовках сандалового дерева. Особенно важными были изменения в отношении религиозных обычаев и порядков. Это наглядно показывает, чем отличается раннее государство от его аналогов. Сын Камеамеа I, Камеамеа II, как известно, отменил старую религию, все обряды и жертвоприношения, табу, предписал разрушить все храмы и святилища, уничтожить изображения богов.

1. О сложных вождествах в Америке и на Гавайях

Сложные вождества в Америке. Крупные сложные вождества можно считать аналогами ранних государств, поскольку они не уступают малым и средним государствам по размерам, численно-

сти населения и социокультурной и/или политической сложности¹. В качестве примера очень крупных вожеств можно привести вожества в Америке, в частности в Венесуэле. Так, Ч. Спенсер (Spencer 1998) говорит о вожествах Какетио, существовавших в XVI в. Одно из вожеств Какетио состояло из 23 деревень, находившихся под властью верховного вождя, причем в одной из деревень проживало около 4 тыс. человек. Согласно Р. Федерманну (см.: *Ibid.*: 108–109), верховный вождь мог собрать дружину численностью до 30 тыс. воинов. Два других вожества могли собрать соответственно 16 тыс. и 8,5 тыс. человек (*Ibid.*). В качестве еще одного примера можно упомянуть вожества на о. Гаити, существовавшие в конце XV и XVI вв. Гаити в то время был, вероятно, самым густонаселенным из всех Больших Антильских островов (Александренков 1976: 143) и состоял из нескольких крупных вожеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (*каси́ков*) испанцы выделили некоторых наиболее важных верховных вождей. По некоторым данным, каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 и больше младших вождей. По словам Б. де Лас Касаса, один из верховных вождей, Бехечио, имел в подчинении около 200 *каси́ков* (Там же: 150–151).

Гавайские вожества: уровень сложности. В качестве наиболее наглядного примера крупных вожеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайские. Это особенно важно, учитывая, что к моменту контактов с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских и, возможно, даже из всех когда-либо известных вожеств (Earle 2000: 73–74; 2011; см. также: Johnson, Earle 2000: 284).

Существование раннего государства на Гавайях всегда было предметом споров (van Bakel 1996). И это неудивительно, поскольку уровень сложности и степень развитости гавайских вожеств существенным образом усложняет их классификацию. Однако это делает классификацию еще более важной и интересной задачей. И потому нельзя согласиться, что вопрос о том, являются ли политии доисторических Гавайских островов вожеством или же государством, не так уж и важен (Earle 2011: 29). С нашей точки зре-

¹ О вожествах, которые состояли из сотни поселений и по размерам и сложности могли быть названы государствами, см., например: Carneiro 1981; 2000a: 55–56; Rountree, Turner 1998, *etc.*

ния, важно определить, являлись ли Гавайи ранним государством или они были именно аналогом раннего государства в форме суперсложного вожества. Определение Т. К. Эрлом гавайских вожеств как государствовподобных политических организаций вполне правомерно (Earle 2011: 37), однако именно этот факт показывает, что более рационально рассматривать их в качестве аналога раннего государства.

Гавайцы добились значительных успехов в хозяйствовании, в частности в ирригации и интенсификации экономики в целом, включая создание рыбоводных и соляных прудов (см.: *Idem* 1997; 2000; 2011; Johnson, Earle 2000; Wittfogel 1957: 241). У них наблюдался очень высокий уровень стратификации общества и аккумуляции прибавочного продукта элитой; также было характерно прочное идеологическое обоснование привилегий высшего слоя (van Bakel 1996; Seaton 1978; Claessen 2004). К моменту открытия Гавайских островов Джеймсом Куком здесь сформировалась политическая система с несколькими крупными вожествами, которые располагались на наиболее крупных островах (Гавайи, Мауи, Оаху и Кауаи) с некоторыми соседними небольшими островами (Earle 2002: 78; 2011). Войны между крупными вожествами, а также внутри одного вожества были довольно обычным явлением². Время от времени в результате успешных или неудачных войн и иных политических событий политики то увеличивались, то уменьшались в размерах.

Число жителей крупных вожеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 246). Вожества делились на «районы»; в целом, по крайней мере в крупнейших вожествах, можно говорить о четырехуровневой иерархической системе – от верховных вождей до землевладельцев (*конохиков*) (Seaton 1978: 274; Earle 2011).

2. Гавайские политики с точки зрения эволюционной стадильности

Две модели образования раннего государства. Аналоги раннего государства являлись реальной альтернативой ранним госу-

² После смерти верховного вождя обычно происходило перераспределение его владений, а также изменения в иерархии, которые редко протекали мирно. Поэтому переход власти верховного вождя обычно означал ожесточенные войны между претендентами (Earle 2011; Stingle 1983: 116).

дарствам в течение длительного времени. Аналогии могли формироваться в зонах с благодатным климатом и плодородными почвами. Но там через определенное, хотя порой и весьма длительное, время возникали какие-то события-триггеры, которые переформировывали структуру общества и трансформировали аналогии в ранние государства. А вот в в определенных экологических маргинальных зонах (аридных территориях и т. п.) аналогии могли соперничать с государствами вплоть до недавнего времени. То есть *только в конечном счете государство стало ведущей формой политической организации сложного общества*. Сами пути к государствогенезу можно представить в двух моделях: вертикальной и горизонтальной. В рамках первой модели формирование государства шло как бы прямым путем, то есть путем объединения мелких догосударственных политий. Ярким примером такой модели является государство зулусов в Южной Африке в начале XIX в., которое очень быстро (буквально за два-три десятилетия) из конгломерата вождей стало империей. В конце XVIII – начале XIX в. вождь Дингисвайо объединил около 30 зулусских вождей и племен (Бюттнер 1981: 184; Риттер 1968; Service 1975: 109). Но это была еще некрепкая полития. Преемник убитого врагами Дингисвайо, знаменитый Чака (1818–1928), образовал уже огромную империю площадью до 200 тыс. кв. миль, включающую около сотни этнических и субэтнических групп («племен»). Естественно, что «этот переход совершался болезненно. Первобытная система бесчисленных кланов и независимых племен была разрушена ценой крови и слез. На развалинах ее была создана нация, управляемая деспотом» (Риттер 1968: 21). От небольших вождей еще в конце XVIII в., где вожди могли выставить для битв от 50 до 300 воинов (Gluckman 1960), в первые десятилетия XIX в. произошел переход к возникновению большой державы с крупной регулярной армией, которая, по некоторым данным, вместе со вспомогательными частями насчитывала до 50 тыс. человек (Львова 1984: 47; Давидсон 1968: 5; 1984: 161; Маке 1974: 91; Потехин 1954: 545; Gluckman 1987 [1940]: 29). При этом была изменена система местной вождеской власти и суда (Давидсон 1984: 161; Service 1975). О Чаке и его государстве см. ниже.

В рамках горизонтального пути (мы считаем, что это был более распространенный путь государствогенеза) сначала шло образование аналогов ранних государств, которые могли быть сравнимы с государством по размерам и сложности, а позже из аналога(-ов)

возникало раннее государство. При этом некоторые аналоги трансформировались в государство при достижении населения в 10 000–15 000 человек, другие – когда они достигали размера во многие десятки тысяч человек, а были и такие, которые трансформировались в государство, имея население уже в сотни тысяч человек. Таковыми были, например, Скифское государство и рассматриваемые нами Гавайи. Уровень, с которого начинался такой горизонтальный переход, зависел от природной среды, в которой формировался аналог, плотности населения, плотности контактов с другими обществами и, конечно, исторических особенностей (как мы увидим это на примере Гавайев).

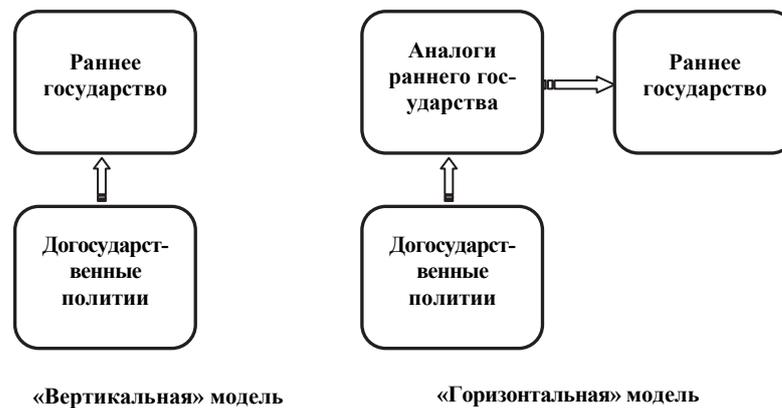

Рис. Две модели перехода к государству

Для образования раннего государства нужно какое-то масштабное событие, которое заставляет общество отходить от традиций и формировать иную политико-административную структуру. Это своего рода триггер, запускающий процесс изменений, к которому общество уже давно было готово, но не было нужного толчка. Такими толчками-триггерами часто становятся экстремальные ситуации, связанные с резким изменением привычной жизни и необходимостью новых решений и реформ, стремлением перераспределить власть (например, внешняя опасность, удачный захват, какое-то важное техническое или социальное изобретение), появление выдающегося лидера (см., например: Миллер 1984: 216) и т. п.

Чаще всего таким триггером могла быть война, особенно длительная. Она вела к необходимости мобилизовать все силы обще-

ства и передать власть военному лидеру, который в мирное время имел не столь высокий статус. Война могла играть такую роль в самых разных аспектах: завоевания соседей и, напротив, борьба с вторгнувшимся врагом, необходимость подготовки к войне, мобилизации ресурсов, строительства укреплений и т. п.

В результате таких триггерных событий политики-аналоги превращаются в раннее государство уже не «вертикальным» путем, то есть не переходом на новый уровень развития, а «горизонтальным», то есть заменяя одни отношения (более традиционные) на другие (более формальные, административные).

Появление или распространение каких-то важных технологических или организационных инноваций также способно вести к серьезным изменениям в политогенезе, становиться его катализатором. И это характерно для обеих моделей государствогенеза. В результате в тех местах, где он до этого сильно задерживался или был вовсе невозможен, начинаются интенсивные политические процессы. Такими катализаторами могли быть, скажем, распространение железа, прогресс в использовании верховых или тягловых животных. Появление конницы, железного оружия и т. п. способствовало также интенсификации военных действий, усиливало роль войн в политогенезе. Классическим является пример, когда вождь зулусов Чака применил новый вид холодного оружия, особого рода копье (ассегай), на древке которого длиной в один метр был насажен обоюдоострый стальной клинок длиной 15 см и шириной 2–3 см, благодаря чему ассегай стало возможным использовать в ближнем бою, тогда как раньше копья использовались только для дальнего боя. Это оружие во многом способствовало успехам его армии и образованию империи (Риттер 1968; Ратцель 1902, т. 2: 116). В результате из догосударственной эпохи зулусы вошли в государственную. Также общеизвестно, как изменилась военная сила степняков-кочевников с изобретением седла и стремени. Без последнего «никакое оружие, колющее или сабельное, не могло сколько-нибудь эффективно применяться конным воином» (Кардини 1987: 264).

Гавайские политики: государство, догосударственное общество или аналог раннего государства. Итак, в этих вождествах существовали все *объективные* условия для образования раннего государства: обширная территория, многочисленное население,

высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, принудительное перераспределение ресурсов, сильная власть верховного вождя и его сакрализация, жесткая иерархия власти, развитая идеология и т. п. Но *конкретно-исторические условия и «триггеры», то есть экстремальные и важные изменения в обычных условиях жизни*, отсутствовали (см.: Claessen 2002; 2004; 2010; Grinin 2002; 2003; 2009; 2011a; 2011b; Гринин 2011). Именно поэтому государство (согласно нашей и многих других исследователей интерпретации данной политики) в доконтактный период так и не появилось. В нашем понимании триггером выступает событие, создающее такие вызовы обществу, для удачного ответа на которые старых способов уже недостаточно, необходимо искать принципиально новые. Как уже сказано, среди таких событий наиболее частым оказывалась война. Но для Гавайев таким триггером выступило открытие архипелага для внешнего мира, в результате чего островитяне столкнулись с совершенно необычными для них вызовами.

Важно отметить: точка зрения, что еще до прибытия кораблей Кука во время его третьей экспедиции в 1778–1779 гг. на Гавайях не было государства, разделяется большинством исследователей (см., например: Goldman 1970; Sahlins 1972a; Service 1975; Kirch 1986³; Harris 1995: 152; Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000). Некоторые антропологи (например, Seaton 1978: 270; van Bakel 1996; Bargatzky 1985) все же считают, что раннее (по крайней мере, зачаточное) государство существовало на Гавайских островах еще до контактов с европейцами. Конечно, это в значительной степени зависит от того, что считать государством (о различных подходах к определению последнего см.: Гринин 2011: 21–26)⁴.

³ Правда, в своей книге (Kirch 2010) П. Кирч изменил свою точку зрения, утверждая, что Гавайи стали государством еще до открытия островов Куком. Но его аргументы, на мой взгляд, неубедительны и не основываются на какой-либо теории. Также голословна его критика моего подхода, как якобы устаревшего, что Гавайи до открытия их Куком были сложными вожествами, а не ранним государством, в его короткой рецензии на нашу книгу (Carneiro *et al.* 2017) в журнале *Journal of the Royal Anthropological Institute* (Kirch 2020: 227). Впрочем, читатель и сам увидит, насколько отличалось доконтактное гавайское общество от того, каким оно стало в результате контактов с европейцами и так называемой гавайской революции.

⁴ Но в этом смысле ни идеи Кирча, ни мысли Роберта Хоммона (Hommon 2013), на которого ссылается Кирч в упомянутой рецензии, чего-то существенного

Приведем наше определение раннего государства.

Раннее государство – это категория, с помощью которой обозначается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью (или хотя бы автономностью); б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые нормы, а также перераспределять ресурсы; в) построенная (полностью или, по крайней мере, в основном) не на принципе родства (Гринин 2011: 32–33; см. также: Он же 2006: 86–87).

Согласно этому определению, мы не можем говорить о существовании раннего государства на Гавайях. Но в то же время неправильно считать его просто догосударственным обществом⁵. Его следует рассматривать как *аналог раннего государства*, общества

в плане дефиниций не прибавляют. Надо еще отметить, что американские антропологи считают едва ли не ниже своего достоинства учитывать работы европейских ученых, не говоря уже о российских, поэтому, например, реально выдающаяся и очень эвристичную теорию Х. Й. М. Классена и П. Скальника о раннем государстве (Claessen, Skalnik 1978; Claessen 2002; 2004; 2010) они упоминают и признают очень редко. По мнению Хоммона, государство есть абстрактное понятие, которое не оставляет прямых следов. Судите сами: если Кирч находит государство на Гавайях в XVII, а Хоммон – в XVIII столетии (а где-то упоминаются и более ранние периоды), о которых нет никаких письменных источников (в отличие от контактного периода Гавайев), а только археологические артефакты, и если при этом «государство не оставляет прямых следов», на чем основываются эти антропологи, полагая, что на Гавайях в доконтактный период было государство? Только на сложности этого общества, на демографическом давлении, интенсификации сельского хозяйства и пр. Но это и так всем известно и все с этим согласны. Однако сложное общество, как я пытаюсь доказать, вовсе не обязательно должно быть ранним (архаическим) государством, а может иметь другую форму организации, в частности быть группой сложных вождеств, что и имело место на доконтактных Гавайях. Фактически и Кирч, и Хоммон (как и многие археологи) являются сторонниками примитивной однолинейной схемы социальной эволюции, считая, что вождество – однозначно и всегда более низкий эволюционный уровень, чем государство. Однако существовали многочисленные государства с населением в тысячи человек (те же маленькие полисы в Древней Греции) и вождества с численностью населения во многие десятки тысяч человек (см. выше).

⁵ Это были догосударственные общества только с исторической точки зрения, а не стадийной (подробнее об этом разделении см.: Гринин 2011: 245–247; Grinin 2004a: 94; 2011: 88).

того же уровня развития, что и ранние государства, однако лишенного характерных черт, свойственных государству (хотя сходные функции реализовывались, но другими институтами). Процесс быстрых изменений и превращений гавайских вожеств (аналогов ранних государств) в раннее государство начался с открытия островов Джеймсом Куком. Можно также говорить о качественных изменениях, свидетельствующих о том, что раннее государство на Гавайях сформировалось примерно после объединения Гавайских островов в единое государство, то есть около 1810 г., когда все населенные острова архипелага присоединились к королевству Камеа-меа I.

Какие характерные черты, свойственные государству, отсутствовали у гавайских вожеств? Хотя методологически корректным будет анализировать политику на пороге ее трансформации в раннее государство именно с позиции определения *раннего* государства, стоит начать со сравнения гавайских политий с определением государства в целом, а затем перейти к сравнению их с ранним государством⁶. Согласно нашему определению, государство должно представлять не просто отделенную от населения организацию власти, но систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Хотя гавайские вожества и имели отделенную от населения организацию власти и в этом плане приближались к государству, но эта организация не представляла собой систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Нет, *систему органов власти на Гавайях никоим образом нельзя назвать специализированной*. Слово «специальные» предполагает, что эти институты, органы и правила возникали в первую очередь для политического и административного управления, что они имели в рамках всего общества именно такую управ-

⁶ Государство – это категория, с помощью которой обозначается система *специальных (специализированных) институтов, органов и правил*, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью (автономностью); б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы (Гринин 2011: 26). Это определение относится к любым эволюционным типам государства от раннего до зрелого.

ленческую направленность⁷. В то время как на Гавайях это была система обеспечения сословно-кастового господства вождей различных рангов в целом, где политические, экономические, этические и духовные аспекты являлись неразрывным целым. «Правление на Гавайях было сочетанием привилегий и обязанностей элиты» (Seaton 1978: 275). Кроме того, идеологический аспект этого симбиоза был самым важным в плане обеспечения прочной легитимности власти высшего сословия (*алии*, то есть благородных) (см., например: Service 1975: 158). Таким образом, нельзя было изменить идеологию, которая запрещала менять общественные отношения. В еще меньшей степени можно считать свойственными только государству правила в виде различных табу (*кану*), посредством которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть, в то время как наиболее важные табу обеспечивали власть высшего сословия (*алии*) в целом⁸.

Теперь проанализируем гавайские политии в аспекте их соответствия дефиниции *раннего* государства.

Главный принцип построения политической организации власти в гавайских вожествах был тесно (более жестко, чем в ранних государствах) связан с родственной иерархией, основанной на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и самому вождю. Согласно принципу первородства, линии старших братьев и сыновей считались более высокими, нежели остальные. Следовательно, родные братья приобретали разный статус. Таким образом, вся политическая и социальная организация основывалась на строгих правилах и идеологии родства. Правящие слои представляли собой эндогамные касты и квазикасты (см., например: Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99; Бутинов 1985).

Именно поэтому, если мы обратимся к приведенному нами определению раннего государства (сн. 3), то гавайские политии не отвечают пункту «в», согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (полностью или, по крайней мере, в основном) не на принципе родства*. Словосочетание «в ос-

⁷ Подобные органы и отношения начали формироваться только в период царствования Камеамеа I и особенно после него; например, появились полиция, суды, новые законы и правила, образовательные учреждения, денежное обращение и т. д.

⁸ Существование подобных институтов, возможно, было одной из причин отсутствия законодательства и суда.

новном» означает, что в ранних государствах наблюдается *заметная социальная мобильность* при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере, среднего слоя гражданских и военных управленцев). Подобного рода социальная мобильность на Гавайях была очень слабой или практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политике перейти к собственно государственным методам управления (см.: Grinin 2004a: 110–111).

Хотя во многих ранних государствах, как, например, в Китае эпохи Чжоу (Steel 1970; 2001; Васильев 1993) или даже в Древней Руси, родственные отношения играли большую роль в формировании высшего слоя управителей (например, древнерусских князей), средние слои пополнялись в основном из других страт и источников, в том числе и неполноправных (о Древней Руси см., например: Ключевский 1937; Фроянов 1999)⁹. Кроме того, со временем, как убедительно показали Х. Й. М. Классен и П. Скальник (Claessen, Skalnik 1978), значение родства в государстве уменьшается.

В гавайских полициях идеология родства была слишком важна, поэтому даже низший слой правящего сословия состоял в основном из дальних родственников вождя. Неудивительно, что попадание в это сословие благородных (алии) было крайне затруднительным, если вообще возможным, так как в него входили вожди (более низкого ранга), их близкие и дальние родственники (Service 1975: 152), а также родственники семьи главного вождя (см., например: Bellwood 1987: 98)¹⁰. Вождь более низкого ранга мог стать членом свиты верховного вождя или его воином (Earle 1997: 44), и только низшие слои (слуги и ремесленники) состояли не из родственников (хотя, возможно, и не полностью, так как на Гавайях даже члены общины [*maka 'āinana*] считались дальними родственниками алии)¹¹.

⁹ В целом в ранних государствах роль иностранцев, рабов, людей с ограниченными правами была очень важна (см., например: Shifferd 1987; Гринин 2010: 43).

¹⁰ Хотя Л. Ситон (Seaton 1978: 274) считает, что слой земельных управленцев (*konoiki*) мог частично состоять из простых людей (*maka 'āinana*), другие исследователи не подтверждают этот факт. Например, Т. К. Эрл (Earle 2011: 39) пишет, что управляющим земельными участками (*konoiki*) обычно был вождь низкого ранга и часто бывший воин.

¹¹ Однако в период масштабных столкновений вождь мог набирать воинов и среди простых людей, которые в случае успеха могли получить участок земли на завоеванной территории.

Есть еще один важный момент, в отношении которого гавайские политии не соответствуют нашему определению раннего государства – *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью политической власти*. Мы имеем в виду возможности менять их коренным образом, путем реформ и политических решений. Несомненно, жизнь в гавайских вождествах шла своим чередом. Менялся состав вождей, также изменялись границы вождеств и вождествоподобных образований. Довольно часто происходили бунты и восстания (Sahlins 1972a). В результате восстаний и гражданских войн к власти мог прийти вождь низкого ранга, лишенный четких «законных» прав на высший титул; земельный надел мог быть перераспределен; табу накладывались на что-то или снимались; нормы повинностей колебались в определенных рамках. Но все институты и нормы, основные общественно-политические и идеологические отношения, руководящие принципы оставались прежними, то есть основанными на родстве и кастовом делении. Следовательно, новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества (политические, административные, социальные и т. п.), которые неизбежно присутствуют в раннем государстве, практически отсутствовали.

По словам Э. Сервиса, социально-политическая система вождеств, опирающаяся на вековые традиции и обычаи, уже не отвечает требованиям формирующегося государства, которое, хотя и пытается руководствоваться господствующей идеологией и традициями (обычаями), *должно развивать* дополнительную опору в виде монополии власти с правовой структурой (Service 1975: 154; см. также: Webb 1974). В целом, как мы увидим дальше, причины необходимых перемен лежали глубже. Дело в том, что в раннем государстве резко возрастает значение политико-административных (военных) инструментов для внутреннего управления, что требует изменения порядка назначения управленцев, управленческих методов и отхода от традиционных методов регулирования жизни общества (подробнее см.: Grinin 2003; 2004b; Гринин 2010; см. также: Shifferd 1987: 43, 47).

Главные различия между ранними государствами и их аналогами (на примере сравнения гавайских вождеств и гавайского государства) (см. также: Grinin 2003; 2011; Гринин 2011):

1. В политиях-аналогах развитие связано в меньшей степени с созданием новых институтов, отношений и форм, но в большей

степени с чрезмерным развитием прежних тенденций (во всей системе «ранг – мана – табу» в доконтактных гавайских вожествах наблюдалась чрезмерная сакрализация вождя, института табу [капу], системы родства и псевдородства, строжайшее разделение генеалогических линий и т. д. [Webb 1965: 25]). В раннем государстве дело обстоит иначе: проявляется способность к реформированию и разрыву традиций, возникают новые формы управления и новые идеологии, меняется порядок назначения руководителей и т. д.

2. В раннем государстве способность верховной власти изменять отношения и нормы значительно выше, чем в аналогах.

3. И в целом в ранних государствах наблюдаются более значительные тенденции к изменениям по сравнению с аналогами.

4. В результате в ранних государствах скорость и/или глубина, системный характер преобразований и темп развития в целом возрастают по сравнению с аналогами¹². Образование раннего государства всегда связано с заметными переменами, а в ряде случаев с глубоким социально-политическим и демографическим кризисом.

3. Анализ преобразований на Гавайском архипелаге в свете теории раннего государства и его аналогов

В рамках настоящей статьи нет возможности провести более подробное сравнение раннего государства и его аналогов (подробнее см.: Grinin 2003; 2004b; 2010; 2011a; 2011b). Мы остановимся подробно лишь на некоторых аспектах, наглядно демонстрирующих разницу между аналогом раннего государства и ранним государством: *глубина трансформации; скорость преобразований; способности осуществления преобразований, особенно изменение и нарушение традиций*. Стоит отметить, что различия между гавайскими вожествами и гавайским государством во всех этих аспектах проявлялись в классических формах. Однако такие изменения не могли произойти без укрепления верховной власти. Именно с этого процесса стоит начать сравнение. В то же время стоит обратить

¹² Ср. темпы развития, скажем, Киевской Руси и ее соседей – половцев, или саксов в Британии и Саксонии, или монголов до империи Чингисхана и после и т. д., и тогда эта идея становится понятной. Уже Х. Й. М. Классен и П. Скальник отмечали растущую скорость изменений в раннем государстве. Они подчеркивают, что явным признаком процесса формирования государства является эффект снежного кома (кумулятивность): начавшись, оно становится все стремительнее (Claessen, Skalnik 1978: 624–625); фактически мы имеем здесь дело с положительной обратной связью.

внимание на некоторые особенности формирования именно гавайского государства: *системный характер изменений* (который проявляется далеко не в каждом раннем государстве или проявляется не сразу); *высокая цена*, которую архипелаг заплатил за такие изменения; и некоторые другие.

Усиление верховной власти. Степень централизации власти на доконтактных Гавайских островах была очень высокой, поэтому процесс превращения Гавайев в раннее государство происходил при том же политическом режиме, что и раньше. На этом примере видно, что если государство образуется на базе сложных вожеств с сильной властью вождя, то власть нового «короля» может стать еще более сильной и непререкаемой. Уместно напомнить, что Камеаеа I, объединивший в начале XIX в. все острова, ликвидировал часть местной аристократии, передал власть над островами от местных династий своим родственникам и приближенным, провел перераспределение земель на завоеванных территориях (Тумаркин 1964: 88–90; 1971: 21) и изменил порядок назначения высших администраторов. Завоевав остров Оаху, король перенес туда свою резиденцию. Такой перенос резиденции или столицы наблюдался во многих ранних государствах (см.: Grinin 2003: 160; Гринин 2010: 60). Существенное усиление политической власти осуществлялось также за счет ослабления жречества (Service 1975: 158; Davenport 1969: 17), хотя это и наносило вред концепции священного статуса вождя (Davenport 1969: 17). Сын Камеаеа I Лихолихо (принявший тронное имя Камеаеа II) и его приближенные начали «гавайскую культурную революцию» (Service 1975: 156–158; Davenport 1969; Нігоа 1964; Токарев, Толстов 1956: 654; Тумаркин 1971; Латушко 2006). Этот переворот начался с нарушения ряда наиболее строгих *табу*. В частности, Лихолихо-Камеаеа II открыто входил к своим женам и ел вместе с ними (точнее, принимал их приглашение поужинать вместе). Затем Камеаеа II, по совету своих приближенных, разослал указы об упразднении старой религии и разрушил места поклонения. Имея армию с огнестрельным оружием, король вполне логично полагал, что уже меньше нуждается в сакральной поддержке небес, что и доказал, победив в начавшейся гражданской войне. Причины этой культурной революции широко обсуждаются (см., например: Webb 1965), хотя совершенно очевидно, что она имела политическую подоплеку, поскольку государство объек-

тивно столкнулось с необходимостью искоренить оппозицию, которая выступала не только за старую религию, но и за прежний порядок. По мнению Э. Сервиса, новый правитель был часто склонен рассматривать старое жречество как преграду на пути укрепления и абсолютизации своей власти (Service 1975: 158). Разрыв со старой идеологией и насаждение новых религий и идеологий часто оказываются весьма целесообразным способом осуществления такой социально-политической революции. Кроме того, по всей видимости, новые правители зачастую не прочь были освободиться от вынужденных и утомительных сакральных обязанностей, если это представлялось возможным.

Позже степень влияния центральной власти на Гавайях – в зависимости от нрава королей и регентов, а также иностранного влияния – могла колебаться, но сам факт образования единого государства уже не был спорным, а сепаратизм перестал играть важную роль.

Чтобы понять различия в **глубине и темпе преобразований общества** в аналогах раннего государства и в ранних государствах, можно сравнить определенную стагнацию общественно-политической структуры до Камеамеа I и многочисленные изменения, которые внес король во время своего правления¹³. Среди основных можно выделить следующие: 1) изменение порядка назначения высших должностных лиц и губернаторов островов (кухина-нуи или *kuhina*), которые с этого времени назначались по принципу личной преданности и происходили из числа людей высшего слоя (губернаторы, в свою очередь, также назначались на должность с одобрения короля); 2) частичное отделение административной власти от экономической в связи с изменением порядка назначения администраторов и их прав землевладения (владения вождей были поделены и располагались в разных местах и на разных островах). Более того, знать была отделена от своих владений, так как высшие аристократы должны были оставаться при короле; 3) создание регулярной армии, военного флота¹⁴, полиции и следственного орга-

¹³ В рамках настоящей статьи мы можем лишь кратко перечислить эти изменения.

¹⁴ Армия, вооруженная пушками и ружьями и размещенная на каждом острове, насчитывала несколько тысяч человек, а флот состоял из 60 лодок, нескольких

на¹⁵; 4) введение письменности в сфере управления (одновременно с существовавшей устной традицией); 5) внесение изменений в систему налогообложения и пошлин. Теперь налогообложение включало в себя различные таможенные пошлины и портовые сборы (а также доходы от монополии на внешнюю торговлю), а пошлины стали не только более высокими (в особенности на заготовку сандалового дерева), но и частично преобразовалась в денежную форму. Кроме того, был создан новый механизм контроля над внешнеэкономической деятельностью (строительством складов и т. д.) и орошением.

Существенные изменения в системе государственного управления произошли и после правления Камеаеа I. Недолгое царствование Камеаеа II (1819–1824) ознаменовалось вышеупомянутой культурной революцией. Это создало идеологический вакуум, который был быстро заполнен миссионерами¹⁶. Таким образом, их роль в политической и культурно-идеологической сферах коренным образом изменилась: возросло прямое влияние европейцев на все сферы жизни гавайцев; сформировавшиеся гавайская письменность и система образования охватили все население; произошли изменения в законодательстве, включая письменные законы, а также христианизация.

В 1840–1850-е гг.¹⁷ была проведена реформа системы государственного управления по западным образцам (но с гавайскими признаками). Власть короля сводилась к минимуму и была ограничена, были созданы государственные советы, министерства, парламент, специальная избирательная система; провозглашены требования по обеспечению безопасности жизни людей и их собственности; натурализованные европейцы получили право быть избранными и т. д.

Существенные перемены: разрыв с традициями и реформы. Отношение к традициям в ранних государствах могло быть разным, в частности, оно часто зависело от того, насколько тради-

бригов и шхун; кроме того, были построены несколько фортов (Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20).

¹⁵ Например, В. М. Головин (1965: 223) отмечал, что «система шпионов была в совершенстве развита на Гавайях».

¹⁶ Особенно в период королевы-регентши Каахумани в период правления малолетнего Камеаеа III (1824–1832).

¹⁷ В поздний период независимого правления Камеаеа III (1824–1855) и в ранний период правления Камеаеа IV (1855–1863).

ция в тот или иной момент времени соответствовала интересам властей (стоит принять во внимание тот факт, что психологические особенности реформаторов также играли роль в данном вопросе). Культурная революция на Гавайях и последовавшее за ней принятие христианства, безусловно, были самыми драматическими проявлениями разрушения старых традиций. В политической жизни отход от традиций также был вполне очевидным и проявлялся по-разному: отказ от традиционных церемоний¹⁸, подражание иностранным дворцовым церемониалам и ритуалам, заимствование в сфере моды и одежды, образа жизни и т. п. (Johnson, Earle 2000: 294), введение новых форм общения с народом и политических формул (в частности, зафиксированных в конституциях) с целью сокращения сословного неравенства.

В ранних государствах могли относиться безразлично ко многим традициям, поскольку последние не влияли на их функционирование. Некоторые традиции, напротив, значительно усилили свое влияние, поскольку государство опиралось на них, так что менее значимые обычаи становились важными или даже главенствующими¹⁹. Весьма часто это касалось таких «традиций», как выполнение различных материальных, трудовых или военных повинностей. Именно это наблюдалось в гавайском государстве в XIX в. Из-за роста государственных расходов, расточительства двора и аристократии и огромных государственных долгов повинности простого народа – относительно умеренные в доконтактный период – резко возросли. Это было особенно ярко выражено в обязательных заготовках сандалового дерева, что иногда приводило к сельскохозяйственным кризисам, дефициту продовольствия и даже голоду (Тумаркин 1971; Ellis 1963 [1827]: 79–80).

¹⁸ Надо сказать, на доконтактных Гавайях это был очень впечатляющий церемониал. Каждый верховный вождь шествовал в окружении около 60 воинов и личных помощников, которые несли символы его полномочий, личные регалии (например, плевательницы и мухобойки) и удовлетворяли любую его прихоть (Earle 2011: 37).

¹⁹ Например, у зулу молодежь проходила военное обучение в военных краалях, где они оставались довольно долгое время, и только после этого получали право жениться. Зулусский правитель Чака, который вел бесконечные войны и был заинтересован в многочисленной армии, еще больше укрепил эту традицию. Он запретил воинам жениться, потому что они постоянно были на военной службе. Он даровал это право отдельным воинам или подразделениям только за особые заслуги (см.: Ritter 1955).

Реформирование стало основным способом изменения существующего порядка и толчком к модернизации под иностранным влиянием. К 1804 году уже 50 европейцев находились на военной службе у Камеамеа I (Лисянский 1812: 184), а к середине XIX в. натурализованные иностранцы занимали все ключевые должности. Большинство коренных изменений уже упоминались выше, но также стоит отметить значительные изменения 1840-х гг., которые были связаны с регулированием государственных и королевских финансов, погашением государственного долга и т. д., судебной и земельной реформами, включающими появление частной собственности и права на свободное пользование землей (в том числе и для иностранцев). Все это привело к кардинальным изменениям в социальной структуре и в конечном счете к утрате независимости.

Системный характер преобразований, их высокая цена и особенности. Даже краткий обзор изменений показывает, что они носили системный характер, фактически охватывая в течение сравнительно короткого периода все сферы жизни и все аспекты политической, экономической, религиозной и культурной деятельности. Такая последовательность и скорость изменений в целом несвойственна ранним государствам, это было особенностью гавайского государства (и, в определенной степени, других полинезийских государств). Безусловно, это явилось результатом огромного и постоянно растущего иностранного влияния на процесс реформирования и увеличения экономических интересов на Гавайских островах среди различных групп иммигрантов и стран.

Но, как правило, за такие быстрые и стремительные изменения приходится платить высокую цену. На Гавайях это привело к сокращению численности населения, а затем и к изменению его этнического состава: к 1900-м гг. численность иностранных мигрантов в конечном счете превысила число местных жителей²⁰.

Важно отметить еще одну особенность (в целом несвойственную ранним государствам) трансформации гавайского общества, а точнее, ее второй фазы, начавшейся после смерти Камеамеа I. Дело в том, что после гражданской войны 1819 г. (разразившейся в

²⁰ По некоторым данным, число иммигрантов на Гавайских островах в 1850 г. составляло менее 3 %, а уже в 1900 г. в результате массового наплыва китайских и других рабочих они составили почти три четверти населения (Латушко 2006: 1985).

результате упразднения старой религии) институт войны и, соответственно, сама армия перестали занимать ведущую позицию. А вместе с тем снижались стимулы к развитию, характерные как раз для эволюции ранних государств (которая, как правило, сопровождалась бесконечными войнами и направляла все свои силы на развитие армии и внешней активности)²¹.

Заключение

1. Таким образом, резюмируя изложенное, мы можем утверждать, что доконтактные гавайские вождества были именно аналогом ранних государств, а не ранним государством в силу следующих обстоятельств:

- *Решающее влияние статуса, полученного в рамках родственной иерархии, на возможность занять какую-либо позицию в управленческой иерархии.* Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию – генеалогической близости к старшей родственной линии (см., например: Bellwood 1987: 97–98; Claessen 1996; Sahlins 1972a). Как было отмечено выше, в ряде ранних государств фактор родственных отношений и превосходства знатных кланов имел важное значение, например в китайском государстве Западная Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.), но все же на Гавайях его значимость была исключительной²². С объединением Гавайских островов Камеамеа I в начале XIX в., уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возросли возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей (в том

²¹ Вероятно, такое относительно мирное существование гавайского государства ослабило мощь гавайской аристократии и привело к ее замещению иностранными плантаторами. А сокращение населения смягчило демографическое давление и социальное напряжение.

²² Впрочем, в Китае эпохи Чжоу особая роль родственного статуса в клане правителя определялась тем фактом, что династия Чжоу была относительно малочисленным этносом в завоеванной стране (что, впрочем, наблюдалось и в других странах, например в Киевской Руси). Кроме того, административные посты занимали не только родственники правителя, но и аристократы, у которых были способности и средства. Многие посты передавались по наследству, но это вовсе не было нормой. «Людей назначали на пост и продвигали по службе, основываясь на их личных качествах и способностях» (Крил 2001: 88; см. также: Васильев 1993: 187 и др.). И это, по нашему мнению, резко отличает Западное Чжоу как раннее государство от гавайских вождеств как аналогов раннего государства.

числе иностранцев) в правящий слой. Кроме того, иностранцы были наделены владениями с даровой рабочей силой (см.: Тумаркин 1964: 94, 88–90; 1971: 21ff.) и позже стали ведущим экономическим двигателем.

- *Весьма ограниченные возможности для внедрения политических новшеств* из-за чрезмерно сильной роли традиций, особенно религиозных и генеалогических (тесно связанных между собой). *Kanū* давали вождям возможность достаточно гибко реагировать на изменения, а также способствовали укреплению традиционных отношений. Мы можем согласиться с Элманом Сервисом в том, что система гавайских вожеств была теократией, скрепленной идеологией, которая оправдывала правление наследственной аристократии и подкрепляла его вековыми обычаями и этикетом (Service 1975: 154). Таким образом, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линиджей, любые изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы.

- *Изоляция Гавайского архипелага* поддерживала установившийся политический, социальный и экологический баланс (см.: Seaton 1978). Между тем для образования раннего государства, как уже упоминалось выше, были необходимы экстремальные ситуации – внезапные изменения привычных условий жизни (триггеры). Такого рода изменения произошли с приходом европейцев²³.

- *Невозможность кардинального перераспределения властных полномочий (в том числе и обязанностей) в пользу центра.* Этому мешал целый ряд обстоятельств, связанных с особенностями гавайских политий. Например, попытки повысить нормы эксплуатации простых людей (если верить М. Салинзу [Sahlins 1972b]) наталкивались на их сопротивление, что часто заканчивалось восстаниями, которые, как правило, возглавляли недовольные вожди и жрецы. Кроме того, изоляция и отсутствие внешних рынков ограничивали

²³ И, кстати, с учетом изоляции архипелага и Полинезии в целом от остального мира и окруженности островов морем, мы ни в коем случае не можем согласиться с идеей, поддерживаемой Т. К. Эрлом (Earle 2011: 37), что Полинезия была своеобразной лабораторией развития человеческих обществ (Sahlins 1972a; Goldman 1970; Kirch 2007). Условия, в которых развивались полинезийские общества, должны рассматриваться скорее как специфические и нетипичные. Следовательно, социополитические отношения на Полинезии нужно рассматривать с учетом особенностей этих обществ.

влияние аристократии и вождей на перераспределение материальных средств. В начале XIX в. усиление политической и экономической власти короля позволило сосредоточить в его руках на порядок больше ресурсов, причем это были не сырьевые, а экспортные товары и деньги (то есть, в терминологии Т. К. Эрла, не основные денежные средства, а финансовое богатство)²⁴.

2. В то же время гавайские вождества вполне можно считать аналогами ранних государств, поскольку они не уступают другим государствам по размерам и уровню развития. В частности, население самого крупного вождества Гавайского архипелага составляло 100 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 285), что в *сто* раз превосходит численность населения типичных простых вождеств, подобных тем, какие, например, были на Тробрианских островах (*Ibid.*: 267–279)²⁵. Только число вождей на острове Гавайи могло достигать до 1 тыс. человек, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вождества (*Ibid.*: 291). Иными словами, здесь, очевидно, речь идет уже не столько о вождях-управленцах, сколько о своего рода касте, которую можно назвать вождеской. Если к числу вождей на острове Гавайи прибавить других представителей элиты (жрецов, воинов и управляющих) и их родственников, то численность элиты, очевидно, превысит число жителей сложных вождеств на Таити, население которых, согласно Х. Й. М. Классену (Claessen 2004: 77), составляло 5 тыс. человек²⁶. Однако следует также отметить, что в процессе формирования государства на Гавайском архипелаге общая численность населения уменьшилась и, следовательно, общее число жителей гавайского вождества уже в 1830-е гг. (132 тыс. человек, по некоторым, возможно, заниженным данным [Латушко 2006: 147–148]) едва ли превышало число жителей всего лишь одного вождества на Гавайском архипелаге. В дальнейшем численность населения гавайского вождества продолжила сокращаться²⁷.

²⁴ О важной роли внешней торговли в ранних государствах см.: Webb 1974: 374.

²⁵ Некоторые ученые оценивают численность населения на Гавайях до прибытия Кука в районе 120 тыс. человек или даже больше (см.: Wright 2006: 6).

²⁶ Х. Й. М. Классен даже рассматривает их как ранние государства (Claessen 2004: 77).

²⁷ В частности, корь убила одну пятую часть населения Гавайев в 1850-е гг. (Mintz 2007).

Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти (о степени централизации власти в ранних государствах см., например: Shifferd 1987).

3. Все это доказывает, что *гавайские сложные вождества необходимо считать аналогами малых и средних ранних государств.*

Литература

- Александренков, Э. Г.** 1976. *Индейцы Антильских островов*. М.: Наука.
- Бутинов, Н. А.** 1985. *Социальная организация полинезийцев*. М.: Наука.
- Бюттнер, Т.** 1981. *История Африки с древнейших времен*. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».
- Васильев, Л. С.** 1993. *История Востока: в 2 т. Т. 1*. М.: Высшая школа.
- Головин, В. М.** 1965. *Путешествие на шлюпе «Камчатка»*. М.: Мысль.
- Гринин, Л. Е.**
2006. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, с. 85–163.
2010. *Государство и исторический процесс: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд. М.: LIBROCOM.
2011. *Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: ЛКИ.
2019. Проблемы формирования ранних государств и политических институтов. Ранние государства и их аналоги. В: Гринин, Л. Е. (ред.), *Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе*: коллективная монография. М., с. 119–141.
- Ключевский, В. О.** 1937. *Курс русской истории*. Ч. 1. М.: Гос. социально-экономическое изд-во.
- Крил, Х. Г.** 2001. *Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу*. СПб.: Евразия.
- Латушко, Ю. В.** 2006. *Трансформация гавайского общества (конец XVIII – середина XIX в.)*: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: ДВО РАН.
- Лисянский, Ю. Ф.** 1812. *Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 6 годах по повелению Его Императорского Величества Александра Перво-*

го на корабле Нева, под начальством Флота Капитан-Лейтенанта, ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера.

Риттер, Э. А. 1968. *Чака Зулу. Возвышение зулусской империи*. М.: Наука.

Стингл, М. 1983. *Очарованные Гавайи*. М.: Наука.

Токарев, С. А., Толстов, С. П. (Ред.). 1956. *Народы Австралии и Океании*. М.: Изд-во АН СССР.

Тумаркин, Д. Д.

1964. *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны»*. М.: Наука.

1971. *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865*. М.: Наука.

Фроянов, И. Я. 1999. *Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Bargatsky, T. 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics*. Leiden: Brill, pp. 24–38.

Bellwood, P. 1987. *The Polynesians. Prehistory of an Island People*. London: Thames and Hudson.

Carneiro, R. L.

1981. The Chieftdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, pp. 37–79.

2000. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 52–58.

Carneiro, R. L., Grinin, L. E., Korotayev, A. V. (Eds.). 2017. *Chieftdoms: Yesterday and Today*. New York: Eliot Werner Publications Inc.

Claessen, H. J. M.

1996. Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia. In Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill, pp. 339–358.

2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.

2004. Was the State Inevitable? In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel, pp. 72–87.

2010. On Early States – Structure, Development, and Fall. *Social Evolution & History* 9(1): 3–51.

Claessen, H. J. M., Skalník, P. (Eds.). 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.

Creel, H. G. 1970. *The Origins of Statecraft in China*. Vol. 1. *The Western Chou Empire*. Chicago: University of Chicago Press.

Davenport, W. 1969. The ‘Hawaiian Cultural Revolution’: Some Political and Economic Considerations. *American Anthropologist* 71: 1–20.

Earle, T. K.

1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.

2000. Hawaiian Islands (A. D. 800–1824). In Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V. (eds.), *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: IAF RAN, pp. 73–86.

2002. *Bronze Age Economics*. Boulder: Westview.

2011. Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Social Evolution & History* 10(1): 27–53.

Goldman, I. 1970. *Ancient Polynesian Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Grinin, L. E.

2002. *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation*. Volgograd: Uchitel.

2003. The Early State and Its Analogues. *Social Evolution & History* 2(1): 131–176.

2004a. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.

2004b. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev A. V. (eds.), *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House, pp. 88–136.

2009. The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.

2011. *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

2017. Complex Chiefdoms: Precursor of the State or Its Analogue? In Carneiro, R. L., Grinin, L. E., Korotayev A. V. (eds.), *Chiefdoms: Yesterday and Today*. Clinton Corners, NY: Eliot Werner Publications, Inc, pp. 195–232.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2017. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. In Carneiro, R. L., Grinin, L. E., Korotayev A. V. (eds.), *Chiefdoms:*

Yesterday and Today. Clinton Corners, NY: EWP, Eliot Werner Publications, Inc, pp. 3–14.

Harris, M. 1995. *Cultural Anthropology*. 4th ed. New York: Addison-Wesley.

Hiroa Te Rangi (Sir Peter Henry Buck). 1964. *Vikings of the Sunrise*. Christchurch: Whitcombe & Tombs.

Hommon R. 2013. *The Ancient Hawaiian State: Origins of a Political Society*. Oxford: Oxford University Press.

Johnson, A. W., Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Kirch, P. V.

1986. *Island Societies. Archaeological Approaches to Evolution and Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press.

2007. Hawai'i as a Model System for Human Ecodynamics. *American Anthropologist* 109: 8–26.

2010. *How Chiefs Became Kings: Divine Kingship and the Rise of Archaic States in Ancient Hawai'i*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, Ltd.

2020. Carneiro, Robert L., Leonid E. Grinin & Andrey V. Korotayev (eds). *Chiefdoms: Yesterday and Today*. x, 357 pp., Figs, Tables, Bibliogrs. New York: Eliot Werner Publications Inc., 2017. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 26: 177–178.

Mintz, S. 2007. Migration and Disease. Period: 1880–1920. *Digital History*. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/database/article_display.cfm?HHID=422.

Ritter, E. A. 1955. *Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire*. London: Longmans Green and Co.

Rountree, H. C., Turner, E. R. 1998. The Evolution of the Powhatan Paramount Chiefdom in Virginia. In Redmond, E. M. (ed.), *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville, FL: University Press of Florida, pp. 265–296.

Sahlins, M. D.

1972a. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle; London: University of Washington Press.

1972b. *Stone Age Economics*. Chicago.

Seaton, L. 1978. The Early State in Hawaii. In Claessen, H. J. M., Skalník, P. (eds.), *The Early State*. The Hague: Mouton, pp. 269–287.

Service, E. R. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York.

Spencer, Ch. S. 1998. Investigating the Development of Venezuelan Chiefdoms. In Redmond, E. M. (ed.), *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville: Florida: University Press of Florida, pp. 104–149.

Shifferd, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics*. Leiden: Brill, pp. 39–53.

Van Bakel, M. 1996. Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii. In Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill, pp. 329–345.

Webb, M. C.

1965. The Abolition of Taboo System in Hawaii. *Journal of the Polynesian Society* 74(1): 21–39.

1974. Exchange Networks: Prehistory. *Annual Review of Anthropology* 3: 357–383.

1975. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. In Lamberg-Karlovski, C., Sabloff, J. (eds.), *Ancient Civilization and Trade*. Albuguerque, pp. 155–210.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.

Wright, H. T. 2006. *Atlas of Chiefdoms and Early States*. URL: <http://repositories.cdlib.org/imbs/socdyn/sdeas/vol1/iss4/art1/>.